

Неизданная статья И. С. Тургенева о крестьянском вопросѣ.

Тургеневу принадлежит одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ, кто такъ или иначе способствовали паденію крѣпостного права. Извѣстно, какое могучее впечатлѣніе въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ производили на читающее общество и на будущаго государя „Записки охотника“; впоследствии Императоръ Александръ II самъ признавалъ, что эта книга „была однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія“. Правда, ея нравственное воздѣйствіе на современниковъ не было основной, сознательно намѣченной цѣлью художника, но тѣмъ, значитъ, глубже было въ немъ гражданское чувство, если, выраженное лишь побочно, безъ прямого намѣренія „ударить по сердцамъ“, оно, однако, ударило по нимъ съ такою силой.

Эпиграфомъ къ исторіи отношеній Тургенева къ народу можно поставить его воспоминанія о томъ, почему онъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ покинулъ Россію. „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться...

Это была моя аннибаловская клятва... Но дошелъ Тургеневъ до этого сознанія не сразу. Ребенкомъ, въ домѣ жестокой крѣпостницы-матери, съ которой, по словамъ П. В. Анненкова ¹⁾, „никто не могъ равняться въ искусствѣ оскорблять, унижать, дѣлать несчастнымъ человѣка“, онъ немало насмотрѣлся картинъ угнетенія и произвола и всю жизнь помнилъ завѣтъ Бабурина ²⁾: „когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости“... Вдумчивый, впечатлительный, добрый отъ природы, онъ ненавидѣлъ „таковыя несправедливости“ скорѣе чувствомъ, чѣмъ сознаніемъ, и вражду свою къ крѣпостничеству осмыслилъ гораздо позднѣе. Одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ 1838—1840 гг. (изъ петербургскаго университета онъ вышелъ кандидатомъ въ 1837 г.), говоритъ, что „не слыхалъ, чтобы онъ когда-либо высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмены крѣпостного права“, — но зато, какъ показываетъ тотъ же современникъ, онъ „былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества“ ³⁾. Возвратившись въ Россію, онъ засталъ на родинѣ особенный подъемъ общественнаго и правительственнаго интереса къ положенію крестьянства. Въ это время были изданы указы о воспрещеніи продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ ихъ семей (1841 г.) и объ „обязанныхъ“ крестьянахъ (2 апрѣля 1842 г.). Послѣдній вызвалъ въ обществѣ сильное возбужденіе. Народной язвы онъ нимало не излѣчивалъ, не давалъ народу почти ничего, „предоставляя тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые, если сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условенныя повинности“ ⁴⁾. Однако указъ 2 апрѣля 1842 г. имѣлъ значеніе манифестаціи неясныхъ прежде взглядовъ правительства и вызвалъ въ однихъ кругахъ неосновательный переполохъ, а въ другихъ — преувеличенныя надежды на лучшее будущее. На такой оптимистической точкѣ зрѣнія стоялъ, напримѣръ, А. С. Хомяковъ, помѣстившій въ „Москвитянинѣ“

¹⁾ „Литературныя воспоминанія“, Спб., 1909, стр. 478.

²⁾ „Пунинъ и Бабуринъ“.

³⁾ „Русс. Стар.“ 1884 г., май, 393.

⁴⁾ Исторію и характеристику этого указа см. у В. И. Семевского, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. II.

1842 г., № 6, статью „О сельскихъ условіяхъ“, вызвавшую возраженіе какого-то симбирскаго помѣщика въ 8-мъ № того же „Москвитянина“.

Свѣтло смотрѣлъ на будущее и 24-лѣтній Тургеневъ. Онъ былъ тогда въ ссорѣ съ матерью (именно изъ-за ея возмутительнаго обращенія съ крѣпостными) и, не получая отъ суровой Варвары Петровны ни копейки, нуждался и искалъ работы. Когда ему представился случай поступить на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ очень доволенъ. Ему, думалъ онъ, уже представлялась возможность посвятить себя работѣ для своего народа, недавно пережившаго ужасный голодъ 1840 г., работѣ самой необходимой и священной. Тогда-то и была написана опубликовываемая нами статья ¹⁾.

Весьма неразборчивый, мелко исписанный черновой автографъ ея, на трехъ полуистлѣвшихъ листахъ, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки ²⁾, а бѣловикъ, на 19 страницахъ листового формата, переписанный четкимъ канцелярскимъ почеркомъ и только подписанный и датированный самимъ авторомъ, и прежде никому недоступный ³⁾, принадлежитъ Серг. Вас. Лазаревскому, которому свидѣтельствуемъ нашу глубокую благодарность за разрѣшеніе напечатать рукопись. Къ С. В. она перешла отъ отца, покойнаго В. М. Лазаревскаго (1817—1890), члена совѣтовъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, беллетриста, этнографа, переводчика Шекспира, страстнаго охотника и автора замѣчательной статистической монографіи о волкахъ, о которой Тургеневъ писалъ, что она „останется въ литературѣ на-ряду съ подобными сочиненіями С. Т. Аксакова“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ В. М. Лазаревскій служилъ секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, подъ начальствомъ извѣстнаго писателя и лексикографа В. И. Даля, при которомъ служилъ и Тургеневъ. На первой страницѣ рукописи рукою В. М. Лазаревскаго написано: „Тургеневъ писалъ это, состоя на службѣ въ особенной канцеляріи м-ра вн. дѣлъ, какъ кажется, въ видѣ экзамена“. Это замѣчаніе, пролива

¹⁾ Впервые помѣщена въ газетѣ „Одесс. Новости“ 5 декабря 1910 г., № 8286.

²⁾ См. ея „Отчетъ за 1900—1901 г.г.“, стр. 199.

³⁾ „Русс. Арх.“ 1894 г., II, 547; Н. М. Гутьяръ, „И. С. Тургеневъ“, Юрьевъ, 1907, стр. 163; его же „Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева“, Сиб., 1910, стр. 7. Подпись и дата здѣсь воспроизведены съ подлинника.

свѣтъ на происхожденіе статьи, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ ея назначеніе, а также объясняетъ нѣкоторыя мѣста въ ней, вызывающія въ читателѣ справедливое недоумѣніе.

Статья была написана въ качествѣ служебной записки, въ которой начинающій, еще неопытный дѣятель разъяснилъ свою программу. Этимъ если не официальнымъ, то официознымъ назначеніемъ ея объясняется сдержанность ея тона, доходящая, страха ради іудейска, до наивнаго и плохо скрываемаго лукавства (напр., разсужденіе о „такъ называемомъ рабствѣ“). Готовя свою статью, Тургеневъ имѣлъ въ виду такихъ читателей, какъ высшій его начальникъ, министръ Перовскій, и непосредственный—В. И. Даль. Послѣдній и какъ чиновникъ, и какъ бытовой писатель былъ сторонникомъ „мудрой и попечительной“ помѣщичьей власти. Впрочемъ, въ пользу искренности Тургенева надо сказать, что въ 1846 г., уже давно оставивъ службу, Тургеневъ похвалилъ въ „Отечеств. Запискахъ“ статью Даля „Русскій мужикъ“, въ которой проводилась мысль о благахъ помѣщичьей опеки надъ мужикомъ. На службѣ Тургеневъ пробылъ очень недолго. Онъ не ужился съ Далемъ. „Начальникъ его“—разсказываетъ Анненковъ¹⁾—„принадлежалъ къ числу прямолинейныхъ особъ, которыя требуютъ строгой аккуратности въ исполненіи обязанностей и уваженія не только къ своимъ служебнымъ требованіямъ, но и къ своимъ капризамъ... Тургеневъ не взлюбилъ начальника—собрата по ремеслу писателя, и скоро вышелъ въ отставку“. Разумѣется, эту причину нельзя считать единственной. Тургеневъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что правительство Николая I относилось къ крестьянскому вопросу неискренно, безъ желанія добра народу, съ затаеннымъ недоверіемъ къ нему. Да едва ли и вообще онъ годился для службы.

„Изъ Германіи туманной“ Тургеневъ вывезъ не особенно высокой „учености плоды“, но отъ его статьи вѣетъ духовной широтой тогдашней германской философіи и германскимъ идеализмомъ, и недаромъ онъ такъ тепло вспоминаетъ о „странѣ учености, совѣстливаго трудолюбія и истинно-изумительной способности проникать во всѣ тайны человѣческаго духа“. Не меньшее значеніе имѣла Германія и для другихъ представителей молодой Россіи, со временъ Николая Тургенева и Ленскаго до пятидесятыхъ годовъ. Бодрымъ, здоровымъ юношескимъ идеализмомъ проникнута статья Тургенева, несмотря на общія и по тому времени мѣста, несмотря на наивныя разсужденія о „семейныхъ“ отношеніяхъ дворянъ къ крестьянамъ, или на забавный страхъ капитализаціи земледѣлія,

¹⁾ „Литературныя воспоминанія“, 475.

сказавшійся въ томъ мѣстѣ записки, гдѣ говорится о „безнравственности“ паровыхъ машинъ. Здѣсь онъ самъ напоминаетъ тѣхъ сѣрыхъ мужиковъ, о которыхъ впоследствии рассказывалъ Полонскому, „какъ они торжествуютъ и радуются, если машина сломается“ ¹⁾. Вполнѣ въ духѣ времени его мнѣніе о государственной „самобытности“ Россіи; сознание тождества русскаго удѣльнаго строя съ западнымъ феодальнымъ завоевало право гражданства въ наукѣ лишь въ наши дни, послѣ замѣчательной работы Павлова-Сильванскаго (впервые эту мысль высказывалъ, впрочемъ, еще Н. А. Полевой, такъ незаслуженно забытый).

И историкъ русской общественности, и біографъ Тургенева вполнѣ оцѣнить замѣчательную юношескую работу великаго писателя, какъ одну изъ вѣхъ на томъ пути, какимъ пришелъ онъ къ своей „аннибаловской клятвѣ“ и къ „Запискамъ охотника“.

Н. Лернеръ.

---

¹⁾ Гутьяръ, „Тургеневъ“, 193.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1911 г., т. СХLV. ФЕВРАЛЬ.

Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ.

Прежде, нежели я приступлю къ изложенію моихъ мыслей на счетъ русскаго крестьянина и русскаго хозяйства, не излишнимъ почитаю замѣтить, что хоть я исключительно не занимался политической экономіею, но знакомъ со всѣмъ, что, принадлежа собственно къ наукѣ государственнаго хозяйства, входитъ въ область исторіи и географіи; сверхъ того, мнѣ извѣстно довольно значительное количество отдѣльных фактовъ, собранныхъ мною на опытѣ и посредствомъ чтенія. А потому замѣчанія, которыя я намѣренъ предложить въ слѣдующей статьѣ, могутъ только служить залогомъ моихъ ревностныхъ будущихъ занятій по части государственнаго хозяйства, изученію котораго я рѣшился посвятить все мое время.

Состояніе русскаго крестьянина составляетъ предметъ постояннаго вниманія нашего Монарха; доказательствомъ такого Высочайшаго вниманія служатъ, кромѣ многихъ другихъ указовъ,—указы объ опредѣленіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, о воспитаніи сельскаго юношества и т. д. Всѣ русскіе съ надеждою и увѣренностью взираютъ на распоряженія правительства и убѣждены, что переходъ отъ прежняго патріархальнаго состоянія русскихъ крестьянъ и русскаго хозяйства къ новому, болѣе прочному и стройному, совершится благополучно; уже во многихъ періодическихъ изданіяхъ слышатся голоса опытныхъ хозяевъ—предлагаются измѣненія и нововведенія... (Смотри статью г. Хомякова въ „Москвитинѣ“ нынѣшняго года и возраженія Симбирскаго Помѣщика).

И дѣйствительно—вопросъ о значеніи земледѣльческаго класса уже самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; имъ дѣятельно занимались и занимаются, кромѣ Россіи, и во Франціи, и въ Англии, и въ Германіи. Но когда мы вспомнимъ, что наше отечество по своему географическому положенію—внутреннему и внѣшнему—есть государство по преимуществу земледѣльческое; когда мы вспомнимъ, что большая и важнѣйшая часть Россіи представляетъ намъ обширную, плодоносную равнину, протекаемую великими рѣками, самыми естественными и надежными путями сообщенія (сверхъ того наша канализація превосходна),—то мы должны согласиться, что этотъ вопросъ для насъ, русскихъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и первостепенныхъ. Онъ сопряженъ съ вопросомъ о будущности Россіи вообще.

При томъ, хотя мы можемъ заимствовать у иностранцевъ много

и отдѣльныхъ полезныхъ свѣдѣній по части земледѣлія,—но рѣшить этотъ вопросъ, опредѣлить условія, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе русскаго хозяйства, можемъ только мы—собственными силами, потому что ни въ какомъ другомъ государствѣ не встрѣтимъ мы ничего подобнаго. Въ чужихъ краяхъ этотъ вопросъ получаетъ совершенно другое значеніе; напримѣръ, системы фуріеристовъ о раздѣлѣ земель и равенствѣ имѣній вездѣ нелѣпы, но въ Россіи даже невозможны, тогда какъ во Франціи можно по крайней мѣрѣ объяснить причину ихъ появленія. Далѣе: въ Англіи классъ хлѣбопашцевъ принадлежитъ собственно къ аристократіи, которая владѣетъ большею частью земель, и въ системѣ уравниванія, на которой основано все политическое существованіе Англіи, противодействуетъ промышленному классу; между тѣмъ какъ въ Россіи всѣ эти отношенія существуютъ совершенно иначе.

Если земледѣліе такъ важно для Россіи, то любопытно бросить взглядъ на состояніе земледѣльческаго класса въ нашемъ отечествѣ. Исторія намъ показываетъ, какимъ образомъ образовался у насъ крестьянскій бытъ. На Западѣ дворяне принадлежали къ побѣдившему племени,—хлѣбопашцы къ побѣжденному: это различіе двухъ племенъ мы находимъ вездѣ, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи—и хотя въ теченіи времени это различіе почти совершенно сгладилось,—но чѣмъ выше мы всходимъ, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ возникновенія новыхъ централизацій на развалинахъ древняго міра, тѣмъ явственнѣе мы можемъ различить эти два составные коренные элемента всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи напротивъ: наши дворяне и наши крестьяне одного и того же племени; говорятъ однимъ языкомъ, у тѣхъ и у другихъ одинъ и тотъ же складъ лица; правда, много нашихъ дворянъ происхожденія иностраннаго—татарскаго, литовскаго и т. д., но они явились въ Россіи выходцами, не побѣдителями, принимали нашу вѣру, наши обычаи, и уже дѣти ихъ были чисто-русскіе. Удѣльная система тѣмъ и отличается такъ рѣзко отъ феодальной, что вся проникнута духомъ патріархальности, мира, духомъ семейства. Мы вправѣ сказать, что нашими русскими дворянами были единственно князья, происходящіе отъ Рюрика, многочисленность которыхъ насъ приводитъ въ удивленіе *), родовые князья, наследовавшіе Русь, къ которымъ впоследствии времени примѣшались

*) Нельзя не замѣтить, какъ много пресѣклось княжескихъ фамилій. Изъ двадцати князей различныхъ родовъ, которыхъ мы находимъ въ „повѣзду“ князя Холмскаго, на свадьбѣ его съ дочерью Іоанна III-го въ 1506 году, ни одинъ не оставилъ потомства, дошедшаго до нашихъ дней. (См. Древн. Внѣ., Томъ XIII).

дворяне другого происхожденія. Князь умирая дѣлилъ свои отчины между своими сыновьями, и они множились и плодились на благодатной землѣ русской, окружаемые своими дѣтьми, своими слугами... Тогда какъ на Западѣ семейный кругъ сжимался и исчезалъ при непрестанномъ расширеніи государства,—въ Россіи все государство представляло одно огромное семейство, котораго главой былъ Царь, „Отчичъ и Дѣдичъ“ Царства Русскаго, не даромъ величаемый Царемъ-Батюшкой...

Намъ могутъ замѣтить, что и наши князья были чуждаго происхожденія; но во-первыхъ, это различіе чрезвычайно рано исчезло, во-вторыхъ, никогда не имѣло того феодальнаго значенія, какъ на Западѣ. При распространеніи русскаго владычества много другихъ племенъ, иначе образовавшихся, подчинилось власти велико-руссомъ... И теперь нашему правительству предстоитъ разрѣшить вопросъ о земледѣльческомъ классѣ (который вездѣ болѣе или менѣе требуетъ, разрѣшенія) и у насъ... Я ограничусь одними велико-руссомъ, которыхъ я знаю болѣе другихъ, и къ которымъ все вышесказанное относится.

Это патріархальное состояніе Россіи, которому мы съ одной стороны обязаны чистотою нашихъ нравовъ, нашей религіозностью, но которое съ другой стороны препятствовало гражданскому развитію Россіи, не могло не измѣниться. Петръ Великій первый вывелъ Русь изъ прежняго ея состоянія, и благодаря своимъ великимъ правителямъ (Россія еще болѣе Пруссія всѣмъ обязана своимъ государямъ) наше отечество занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ союзѣ европейскихъ державъ. Но много еще осталось не разрѣшенныхъ вопросовъ, со многими должны мы разстаться, многое усовершенствовать, многое пріобрѣсть; и если есть люди, которые съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и страхомъ оглядываются назадъ, люди, которые въ противорѣчій съ самими собою не хотѣли бы, напр., ограничить нашу литературу одними народными пѣснями, но со всѣмъ тѣмъ желали бы остановить развитіе народа, то мы считаемъ себя въ правѣ называть такое сожалѣніе безвѣріемъ—безвѣріемъ въ промыселъ, такъ дивно руководившій насъ доселѣ,—безвѣріемъ въ наше настоящее и въ наше будущее.

Какъ бы то ни было, этотъ переходъ начинается и въ нашемъ хозяйствѣ; старое измѣняется, хотя и упорствуетъ,—новое часто впадаетъ въ односторонность, но постепенно вводится и торжествуетъ. Любопытно наблюдать картину такого перехода, и потому постараюсь въ краткихъ словахъ изобразить замѣчательнѣйшія черты настоящаго положенія. Я выросъ и жилъ довольно долгое время въ деревнѣ, находящейся въ одной изъ плодороднѣй-

шихъ губерній Россіи, въ Орловской, и имѣлъ случай познакомиться съ русскимъ крестьяниномъ и съ русскимъ помѣщикомъ.

Предѣлы моей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ подробную характеристику русскаго крестьянина. Скажу только, что при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ нельзя не оцѣнить его смѣтливости, его добродушія, его природнаго ума; но, повторяю, прежнія его отношенія къ помѣщику измѣнились. Простодушная патріархальность прежнихъ временъ исчезла, не замѣненная еще доселѣ законностью и твердостью отношеній. Нельзя сказать, чтобы быть нашихъ хлѣбопашцевъ былъ вполне обезпеченъ. Промышленные обороты, основанные на расчетахъ и личной сноровкѣ, могутъ доставить значительное благосостояніе, даже роскошь, но по сущности своей—не надежны. Земледѣліе, напротивъ, должно быть прочно и незыблемо, какъ сама земля, и, не даруя излишняго, вполне обезпечивать жизнь хлѣбопашца. Необходимость, святость этой незыблемости, прочности, чувствовали, всегда всѣ народы, не даромъ у грековъ земледѣліе почиталось непосредственнымъ даромъ Божества; а потому фантазіи нѣкоторыхъ утопистовъ, желающихъ насильственно втянуть земледѣліе въ кругъ промышленности, т. е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компаніи для воздѣлыванія земель, словомъ уничтожить классъ хлѣбопашцевъ,—такія фантазіи и безразсудны, и безнравственны.

Но до этой прочности, до этого полнаго обезпеченія жизни людей, предавшихъ земледѣлію, русское хозяйство далеко еще не дошло. Земля большею частью обрабатывается худо и не даетъ ни помѣщику, ни крестьянину всего, что при другихъ условіяхъ она была бы въ состояніи дать. Важнѣйшія неудобства нашего хозяйства слѣдующія:

Во-первыхъ, недостатокъ положительности и законности въ самой собственности, такъ называемая черезполосность владѣній. Размежеваніе земель, дѣятельно теперь производимое во всей Россіи, принесетъ въ этомъ отношеніи величайшую пользу; уничтоженіе общихъ владѣній есть первый шагъ къ водворенію разумнаго хозяйства въ Россіи; каждый помѣщикъ узнаетъ свои границы, свои средства, свои выгоды; всѣ дальнѣйшія улучшенія не могутъ быть приводимы въ исполненіе, пока собственность не опредѣлится.

Во-вторыхъ, недостатокъ законности и положительности въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ. Эти отношенія почти ничѣмъ не опредѣлены и большей частью зависятъ отъ прихоти владѣльцевъ. Онѣ бываютъ двоякаго рода, смотря по тому, деньгами ли, работою ли взыскиваетъ помѣщикъ повинность съ крестьянина, и называются: оброкъ и барщина. Величина оброка опредѣляется ка-

чествомъ и количествомъ земли, близостью города и т. д. Но, во-первыхъ, помѣщикъ иногда возвышаетъ оброкъ, не соображаясь съ средствами крестьянъ, а во-вторыхъ—мужики не освобождены отъ различныхъ работъ, часто отнимающихъ у нихъ драгоцѣннѣйшее время, какъ-то: обязанность ходить на барскій покосъ (иногда въ отдаленную деревню), ѣзда съ обозами въ столичные и губернскіе города зимою и т. д. Барщина еще неопредѣленнѣе оброка; крестьяне, находящіеся на барщинѣ, живутъ большею частью, такъ сказать, на хлѣбахъ у своихъ господъ. Не успѣвая тщательнымъ образомъ заняться обработкою своего участка, не имѣя вообще въ сущности ничего своего, крестьянинъ обыкновенно уже весною начинаетъ занимать свое продовольствіе у помѣщика. Спѣшу замѣтить, что у многихъ помѣщиковъ крестьяне благоденствуютъ, но это благоденствіе есть плодъ личныхъ качествъ господина, а не законнаго, неизмѣннаго порядка. И потому указъ Его Императорскаго Величества на счетъ опредѣленія отношеній дворянъ къ крестьянамъ долженъ принести величайшую пользу.

Въ-третьихъ, весьма неудовлетворительное состояніе науки земледѣлія, а также скотоводства и лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, происходящее съ одной стороны отъ нерадѣнія богатыхъ владѣльцевъ, часто проживающихъ собственное добро, — съ другой стороны отъ бѣдности мелкопомѣстныхъ дворянъ, не поддерживаемыхъ общимъ рвеніемъ и потому долженствующихъ, какъ они говорятъ, начинать все на свою руку, для чего не достаетъ у нихъ ни средствъ, ни времени. Истина неоспоримая: если воздѣлывающій своими руками землю, если крестьянинъ неудовлетворенъ и не обезпеченъ, владѣлецъ богатымъ быть не можетъ. Стоитъ взглянуть на Ирландію: тамъ огромныя помѣстія цѣнятся гораздо ниже такихъ же или даже меньшихъ шотландскихъ или англійскихъ помѣстій, не смотря на то, что въ Ирландіи почва земли превосходнѣе шотландской. Я бы могъ сравнить наше хозяйство съ плодородной землей... но если испаренія этой земли не падаютъ на нее обратно живительнымъ дождемъ,—она непременно изсохнетъ и запустѣетъ. И какая малая, незначительная часть доходовъ у насъ въ Россіи обращается вновь на улучшеніе имѣній! Несмотря на то, что малѣйшее улучшеніе, малѣйшая сноровка и наблюдательность помѣщика вознаграждаются съ избыткомъ. Не говорю о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя не заслуживаютъ имени улучшеній, о нововведеніяхъ необдуманныхъ, осуществляемыхъ безъ всякаго соображенія, безъ всякаго размышленія объ удобствахъ и потребностяхъ края.

Въ-четвертыхъ, не совершенное уравновѣшеніе торговли и земледѣлія. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ однихъ и тѣхъ

же людей жалобы на дурной урожай, на невозможность прокормить крестьянъ, а въ слѣдующемъ году на слишкомъ обильный урожай, на дешевизну цѣнъ! Что касается до бѣдствія, посѣтившаго недавно Россію, а между прочимъ и Орловскую губернію, до голода, то должно надѣяться, что благотѣльная мѣра правительства: учрежденіе запасныхъ магазиновъ, навсегда уничтожитъ возможность возвращенія такого ужаснаго впа. Неопредѣленность и непрочность въ сбытѣ сельскихъ произведеній тѣснымъ образомъ связаны со всѣми вышеупомянутыми неудобствами нашего теперешняго хозяйства; ко всѣмъ этимъ неудобствамъ должны мы присоединить не вполнѣ удовлетворительное состояніе нашихъ дорогъ, затруднительное доставленіе сельскихъ произведеній на крестьянскихъ лошадяхъ, недостатокъ денегъ, необходимыхъ для быстрыхъ и успѣшныхъ оборотовъ.

Въ-пятыхъ, весьма слабое развитіе чувства гражданственности, законности въ нашихъ крестьянахъ. Русскій крестьянинъ состоитъ, какъ и всѣ мы, подъ покровительствомъ законовъ, но безсознательно; онъ не чувствуетъ себя гражданиномъ. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ смысленности и смѣтливости русскаго человѣка,—но съ одной стороны нельзя не пожелать уменьшенія именно этой смѣтливости, которая напоминаетъ—прошу извинить мое сравненіе—смѣтливость и изворотливость лисицы, но не достойна человѣка живущаго въ благоустроенномъ обществѣ. Впрочемъ, тотъ же самый крестьянинъ, прибѣгающій къ подобнымъ уловкамъ подъ управленіемъ господина, которому онъ не довѣряетъ, становится самымъ разумнымъ, понятливымъ и расторопнымъ человѣкомъ подъ руководствомъ помѣщика, радѣющаго о его благосостояніи. И потому нельзя не радоваться появленію Высочайшаго указа о воспитаніи сельскаго юношества. Человѣкъ грамотный, хотя бы онъ умѣлъ только читать и писать, пользуется безконечными преимуществами въ сравненіи съ безграмотнымъ; ему открыты глаза, онъ чувствуетъ, что онъ вступилъ въ общество. Нельзя однако жъ не замѣтить, что одно знаніе грамоты не даетъ того чувства гражданственности, о которомъ мы говорили выше; есть департаменты въ средней Франціи, въ которыхъ пропорція умѣющихъ читать и писать къ неумѣющимъ вовсе не превышаетъ этой пропорціи у насъ. Но развитія этого чувства мы должны ожидать отъ времени, отъ постепеннаго распространенія понятій, а главное отъ благотѣльныхъ распоряженій правительства. Теперь же мы должны замѣтить, что крестьянинъ, чувствующій шаткость и ненадежность своего положенія, часто съ небреженіемъ, почти съ нелюбовью обращается съ собственнымъ достояніемъ, часто предается пьянству, и за нѣсколько

часовъ самозабвенія, прибрѣтенныхъ имъ на счетъ здоровья, проводитъ остальную жизнь въ нуждѣ и бѣдности.

Въ-шестыхъ, вообще всѣ устарѣлыя учрежденія, завѣщанныя намъ прежнимъ патриархальнымъ бытомъ, теперь уже неумѣстныя и отяготительныя: избытокъ дворовыхъ людей и т. д., также всѣ неминуемыя послѣдствія не обезпеченнаго продовольствія крестьянъ: конокрадство, порубка лѣса; и, наконецъ,—

Въ-седьмыхъ: недостатокъ общественнаго духа въ дворянахъ.

Мнѣ кажется, неудобства современнаго состоянія хозяйства въ Россіи изложены мною довольно подробно. Я бы могъ еще упомянуть изрѣдка проявляющееся отчужденіе нѣкоторыхъ дворянъ отъ собственныхъ крестьянъ, которое, къ счастью, съ каждымъ днемъ уменьшается. Другія неудобства, не столь важныя, я не почелъ за нужное упомянуть; но за то я долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ объ одномъ возраженіи, которое я не могу почитать за истинное. Именно: нѣкоторые желали бы прекратить у насъ раздробленіе имѣній и ввести, по примѣру англійскаго законодательства, маіораты въ пользу старшихъ сыновей. Кромѣ того, что всѣ такія заключенія по аналогіи уже потому невѣрны, что всякое аналогичное заключеніе предполагаетъ различіе и слѣдовательно само себя опровергаетъ,—но аристократія, какъ она существуетъ въ Англіи, есть учрежденіе совершенно чуждое русскому духу. Аристократы англійскіе всѣ аристократы *Божьею милостью*, также какъ и король; они происходятъ отъ свободныхъ нормандскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Вильгельма Завоевателя на извѣстныхъ условіяхъ; онъ долженъ былъ раздѣлить между своими товарищами землю, покоренную ихъ мечами. Напротивъ, въ Россіи, какъ я уже замѣтилъ, наши удѣльные князья потому только считались господами и истинными владѣльцами земли, что они происходили отъ Рюрикова племени, отъ котораго происходилъ и самъ Царь; они не были зависимыми баронами, но почтительно-покорными слугами Царя, ихъ Главы, который былъ властенъ надъ ихъ жизнью и ихъ достояніемъ. И дворянскій классъ въ Россіи имѣетъ совершенно другое происхожденіе и назначеніе, чѣмъ англійскіе дворяне. Противъ исторіи своего народа, противъ той необходимой послѣдовательности, которая проникаетъ всѣ проявленія народной жизни, невозможно и грѣшно дѣйствовать. Да и сверхъ того русская земля по своей обширности требуетъ, чтобы владѣльцевъ было много, чтобы они пристально и трудолюбиво занимались ея обработкою; весь нашъ сельскій бытъ долженъ измѣниться; (а сельскій нашъ бытъ обнимаетъ гораздо большую часть нашего народонаселенія; извѣстно, что въ Европейской Россіи только де-

сятая часть всѣхъ жителей живетъ въ городахъ), и это превращеніе должно совершаться медленно, постепенно; и не совершится, если не все дворянское сословіе будетъ участвовать въ этомъ переворотѣ. Словомъ, въ этомъ отношеніи, я полагаю, всякая централизація едва ли не вредна.

Какимъ же образомъ достигнемъ мы этой цѣли? Какими средствами? Полное разрѣшеніе этого вопроса обрадуетъ, можетъ быть, только слѣдующее поколѣніе... Ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, которыя покорно прошу принять снисходительно.

Разбирая неудобства нашего хозяйства, я съ намѣреніемъ не упомянулъ *крѣпостнаго состоянія* нашихъ хлѣбопашцевъ. Ихъ такъ называемое рабство было предметомъ многихъ довольно пустозвонныхъ разглагольствованій, показывающихъ часто совершенное невѣдѣніе истинныхъ потребностей Россіи. Мы желаемъ законности и твердости въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ; законность исключаетъ прихоть владѣльца, а потому и то, что называютъ рабствомъ. Рабство есть нехристіанское понятіе, и потому въ христіанскомъ государствѣ существовать не можетъ и никогда не существовало; но не въ томъ дѣло. Не говоря уже о томъ, что, напримѣръ, ремесленники въ Англіи едва ли не болѣе нашихъ крестьянъ заслуживаютъ названія рабовъ, считаю долгомъ замѣтить, что многія нѣсколько поспѣшно предлагаемыя улучшенія не только не уничтожаютъ, но даже упрочиваютъ рабство. Еще недавно въ Мекленбургѣ (въ странѣ, гдѣ позже всѣхъ другихъ германскихъ государствъ прекратилось крѣпостное состояніе хлѣбопашцевъ), въ сосѣдствѣ Нейбранденбурга, было совершено убійство надъ особой помѣщика, убійство, сопровождаемое ужасающими подробностями, — доказывающее ожесточеніе, которое мы не ожидаемъ найти въ свободныхъ людяхъ... Въ Мекленбургѣ крестьяне, хотя и лично свободные, въ сущности находятся въ тѣсной зависимости отъ того, что немногочисленные помѣщики того края какъ бы сговорились не принимать ни одного крестьянина, отошедшаго отъ своего господина. Во время моего пребыванія въ Богеміи, мнѣ не разъ удавалось быть свидѣтелемъ притѣсненій свободныхъ крестьянъ писцами помѣщичьими, по такъ называемымъ патримоніальнымъ судамъ. Уже потому намъ нельзя брать примѣръ въ этомъ отношеніи съ иностранцевъ, что всѣ наши учрежденія, настоящія и будущія, имѣютъ совершенно другой источникъ, другой характеръ.

Между русскимъ „*миромъ*“ и русскимъ старостою и нѣмецкой Gemeinde и нѣмецкимъ Schulze разница огромная; тѣмъ не менѣе, справедливо, что изученіе формъ земледѣльческаго быта въ Германіи можетъ быть чрезвычайно полезно, также, какъ и изученіе

науки земледѣлія, дошедшаго въ чужихъ краяхъ до высокой степени совершенства.

Много намъ придется услышать предложеній на счетъ улучшенія крестьянскаго быта, много предстоитъ затрудненій, хотя бы, на примѣръ, на счетъ учрежденія суда и судебного порядка въ крестьянскихъ общинахъ, а также и на счетъ усовершенствованія ихъ внутренней администраціи. Замѣчу кстати, что этотъ недостатокъ опредѣленнаго судебного порядка весьма понятенъ: семейныя отношенія — по духу своему не опредѣляются закономъ, а отношенія нашихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ такъ были сходны съ семейными... Далѣе, съ вопросомъ о будущности земледѣльческаго класса сопряжено много другихъ равно важныхъ вопросовъ: о будущности, о значеніи нашего дворянства и т. д. Кромѣ того, что нашему дворянству вручены судьбы нашихъ хлѣбопашцевъ, и что слѣдовательно нашимъ помѣщикамъ предстоитъ разрѣшить великую задачу о будущности крестьянъ, собственный ихъ бытъ долженъ измѣниться. Препрежне, для крестьянъ и для владѣльцевъ равно бесполезное проживаніе дворянъ въ своихъ имѣніяхъ должно будетъ уступить мѣсто положительной дѣятельности, желанію—и умѣнію—усовершенствовать состояніе хозяйства,—потому что до сихъ поръ многіе помѣщики, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о сущности и потребностяхъ земледѣлія, часто прибѣгали къ эмпирическимъ мѣрамъ и потомъ при неизбежной неудачѣ упадали духомъ.

Я постарался изобразить въ немногихъ словахъ современный бытъ русскаго крестьянина. Мы видимъ, что состояніе нашего хозяйства неудовлетворительно и требуетъ улучшенія; хотя съ другой стороны мы обязаны сказать, что сами были свидѣтелями многихъ улучшеній, утѣшительныхъ признаковъ приближенія новой эпохи.

Благоразумные помѣщики все болѣе и болѣе стараются преобразовать прежнія состарѣвшіяся отношенія: они уже убѣдились, на примѣръ, что ихъ фабрики, не смотря на ничтожное жалованье людей, на возможность безденежнаго доставленія фабричныхъ произведеній, рѣдко выдерживаютъ состязаніе съ фабриками купцовъ; они убѣдились, что работа, не вознаграждающая работника, не вознаграждаетъ и заставляющаго работать...

Говоря о неудовлетворительномъ состояніи хозяйствъ, мнѣ бы слѣдовало подкрѣпить мое мнѣніе статистическими выводами, подробнымъ разборомъ упущеній по части земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. д., но мои познанія въ наукѣ политической экономіи еще слишкомъ недостаточны, и потому я частію основываюсь на мнѣніи знатоковъ, частію на собственномъ опытѣ.

Я уже сначала объявилъ, что буду говорить объ однихъ велико-

руссахъ; мнѣ бы слѣдовало прибавить: объ однихъ помѣщичьихъ крестьянахъ; потому что я ни слова не сказалъ ни объ однодворцахъ, которые составляютъ весьма важную часть сельскаго народонаселенія и рѣзко отличаются отъ прочихъ хлѣбопашцевъ, ни объ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянахъ; не говорилъ также съ достаточною подробностью о дворянскомъ классѣ; но я не могъ имѣть и мысли написать статью, обнимающую всѣ важные вопросы нашего хозяйства.

Я сказалъ выше, что вопросъ о значеніи земледѣльческаго класса въ Россіи тѣсно сопряженъ съ вопросомъ о значеніи русскаго народа вообще. А о будущности нашего народа размышляемъ не мы одни—размышляетъ вся Европа.

Особенно въ Германіи съ нѣкотораго времени стараются понять и оцѣнить славянскій элементъ, который теперь нельзя уже не признать однимъ изъ главныхъ дѣятелей на поприщѣ исторіи. Въ Германіи, странѣ учености, совѣстливаго трудолюбія и истинно изумительной способности проникать во всѣ тайны человѣческаго духа, въ какихъ бы образахъ, въ какой бы народности онъ ни выражался, гораздо болѣе понимаютъ и цѣнятъ насъ, чѣмъ, напр., во Франціи. Но и во Франціи начинаютъ чувствовать, что старинная метафора: „Colosse aux pieds d'argile“—нелѣпа, что Россію одна лишь безсильная досада можетъ сравнить съ тѣми огромными государствами, которыя такъ быстро возникали и еще быстрѣе исчезали въ Азіи; что въ русскомъ народѣ нельзя не признать крѣпкаго, живого, неразрушеннаго начала; что пока объ насъ отзывались съ поддѣльнымъ презрѣніемъ, подъ которымъ, можетъ быть, скрывалось другое чувство,—мы все росли и растемъ доселѣ... Что же касается до мнѣнія англичанъ о насъ, то мы знаемъ, что они насъ уважаютъ, потому что признаютъ насъ достойными соперниками; недавно мнѣ попалась весьма любопытная статья, въ газетѣ „Times“, въ которой находилось сравненіе англійскаго народа съ русскимъ, и выводилось заключеніе, что великіе характеры теперь чаще всего проявляются въ Англии... да въ Россіи. Хотя вся статья носитъ отпечатокъ тѣснаго самолюбія англичанъ, и хотя много выводовъ совершенно ложны, но тѣмъ не менѣе эта статья замѣчательна для насъ, русскихъ. Словомъ, что бы ни говорили иностранцы объ насъ, ни одинъ не въ состояніи отрицать спокойную силу нашего правительства, могущества нашей вѣры, единство, проникающее всѣ сословія русскаго народа. Но сокровенный смыслъ славянской народности не доступенъ западнымъ ученымъ; имъ невозможно доселѣ знать, въ чемъ же именно состоитъ особенность русскаго характера, русскоѣ жизни,—потому что мы сами еще не дошли до той опредѣ-

ленной самостоятельности, которая не может не быть признанною и чуждыми племенами, которая выражается во всемъ, въ произведеніяхъ искусства, науки... Мы народъ не только европейскій; мы не даромъ поставлены посредниками между Востокомъ и Западомъ; не даромъ наши границы касаются древней Европы, Китая и Сѣверной Америки, трехъ самыхъ различныхъ выраженій общества. Съ другой стороны, сохрани насъ Богъ впасть въ слѣпое поклоненіе всему русскому потому только, что оно русское; сохрани насъ Богъ отъ ограниченныхъ и, скажу прямо, неблагодарныхъ нападокъ на Западъ, особенно на Германію,—тѣмъ болѣе неблагодарныхъ, что часто изъ Германіи (хотя мои слова могутъ показаться странными) возвращаешься съ большей вѣрой въ силу и будущность нашихъ учрежденій... Вѣрнѣйшій признакъ силы—знать свои недостатки, свои слабости; и потому, признавая счастіемъ принадлежать русскому народу и жить во время царствованія Государя, подобнаго нашему,—мы всѣ предъ Нимъ и отечествомъ должны принять торжественное обязательство посвятить всю жизнь служенію правды... Наши братья, русскіе земледѣльцы, въ правѣ ожидать отъ своихъ болѣе образованныхъ соотечественниковъ дѣятельной, усердной помощи, а подь руководствомъ нашего правительства мы и въ этомъ отношеніи можемъ повторить слова поэта:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни...

Кандидатъ Филологіи Иванъ Тургеневъ.

писано 23, 24 и 25-го декабря 1842-го года.

